

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 911.3+311:2

DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Горохов С. А.^{1,2,3}, Агафшин М. М.¹

¹ Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

² Институт географии Российской академии наук

119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29, Российская Федерация

³ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определение критериев оценки религиозной принадлежности населения различных стран и регионов мира, их преимуществ и недостатков для общественно-географических исследований.

Процедура и методы. Обобщение многообразных источников информации, содержащих статистические сведения о конфессиональной принадлежности населения, с задачей объединения их в группы по общности подходов, уровню достоверности и степени объективности. Используются описательный, исторический и статистический методы.

Результаты. Выделены два основных критерия оценки религиозной принадлежности населения: этнический и культурно-цивилизационный. В первом случае источники данных опираются на условие о тождественности этнической и религиозной принадлежности, что в настоящее время наблюдается крайне редко; в соответствии со вторым принципом источники определяют конфессиональную принадлежность индивидуума, исходя из его ответа на соответствующий вопрос переписи населения или социологического опроса, что более валидно в современных условиях. В качестве третьего, резервного критерия (при отсутствии данных, опирающихся на первые два) предлагается оценка религиозной принадлежности через уровень религиозности населения.

Теоретическая/практическая значимость. Обобщение аналитических материалов по религиозной принадлежности населения стран и регионов мира позволяет проводить комплексные исследования по географии религии, прогнозировать развитие глобального конфессионального пространства. Оценка численности адептов различных религий, проведенная авторами на примере России – страны поликонфессиональной и полиэтнической, дает возможность выработать рекомендации для организаций, занимающихся вопросами государственно-церковного регулирования и формирования основ политики в области национальных отношений и миграционных процессов.

Ключевые слова: география религии, этнический критерий, культурно-цивилизационный критерий, конфессиональная статистика

© СС BY Горохов С. А., Агафшин М. М., 2020.

APPROACHES TO ASSESSMENT THE RELIGIOUS AFFILIATION OF THE POPULATION IN GEOGRAPHICAL STUDIES

S. Gorokhov^{1,2,3}, M. Agafoshin¹

¹ *Moscow Pedagogical State University*

1/1 Malaya Pirogovskaya ul., 119991 Moscow, Russian Federation

² *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences*

29 Staromonetnyi per., 119017 Moscow, Russian Federation

³ *Pushkin Leningrad State University*

10 Peterburgskoe sh., 196605 Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract.

Aim. The purpose of the paper is to determine criteria for assessing the religious affiliation of the population of various countries and regions, as well as reveal their advantages and disadvantages for human geography investigations.

Methodology. Various sources containing statistical information about the religious affiliation are considered. The generalization is used to combine the sources into groups according to the generality of approaches, level of reliability and degree of objectivity. Use is also made of descriptive, historical and statistical methods.

Results. Two main criteria for assessing the religious affiliation are identified: (i) ethnic and (ii) cultural and civilizational. In the first case, data sources rely on the condition of the identity of ethnic and religious affiliation, which is currently extremely rare. In accordance with the second criterion, which is more valid in modern conditions, the sources determine the individual's religious affiliation based on answer to the corresponding question of the census or sociological survey. As a third, reserve criterion (in the absence of data based on the first two), an assessment of religious affiliation through the level of religiosity of the population is proposed.

Research implications. The generalization of analytical materials on the religious affiliation of the population of countries and regions allows us to conduct comprehensive study on the geography of religion and to predict the development of the global religious landscape. An assessment of the number of adherents of various religions, conducted by the authors on the example of such a multi-religious and multi-ethnic country as Russia, makes it possible to develop recommendations for organizations involved in state-church regulation and the formation of policy frameworks in the field of national relations and migration processes.

Keywords: geography of religion, criteria for assessing religious affiliation, ethnic criterion, cultural and civilizational criterion, religious data

Одним из наиболее деликатных моментов в исследованиях по географии религии предстает анализ информации о числе адептов тех или иных религий (их направлений, деноминаций и пр.). В XXI в. подавляющая часть человечества по-прежнему идентифицирует себя с той или иной религией. Однако необходимо учитывать, что степень вовлеченности в религиозную жизнь может существенно варьироваться: от чисто формальной, когда индивид полностью равнодушен к

религиозной организации, до его активного участия во всех формах ее жизни. В современном мире, преобразованном глобализацией, становится неизбежной встреча разных, иногда даже разнонаправленных по своим ценностным императивам культурно-цивилизационных общностей, которая нередко приводит к конфликтам, в центре которых часто находится религия. Вместе с тем вызовы современности затрагивают и само глобальное конфессиональное простран-

ство, способствуя глобальным сдвигам в конфессиональной структуре населения мира и появлению новых форм религиозности. Религиозная принадлежность до настоящего времени определяет или, по крайней мере, оказывает значительное влияние на многие стороны жизни общества: социокультурные, политические, экономические. В этой связи исследования по географии религии становятся столь актуальными во всем мире, ведь «... религия – есть непосредственное выражение универсальной человеческой потребности, так что и религию и ее изучение ждет блестящее будущее» [25, p. 18].

Однако перед каждым географом, занимающимся исследованием религии, как, впрочем, и перед любым религиоведом, еще в самом начале его работы встает проблема корректной оценки численности адептов различных религий в мире, в его отдельных регионах и странах. При этом, с одной стороны, принадлежность к религии конкретного индивидуума определяется как «категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными» [15], то есть как общее религиозное самоопределение человека, или его религиозность (верующий/неверующий). С другой стороны, – как «осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [15], то есть как принадлежность к конкретной религиозной группе (во что и как верующий).

Постановка проблемы

В настоящее время социология не выработала единого подхода к тому, что приоритетно в определении религиозности индивидуума – религиозное поведение или религиозное сознание (подробнее см.: [12]). Так, один из крупных российских социологов В. Ф. Чеснокова еще в 1990-е гг. разработала «индекс воцерковленности» населения (*B*-индекс),

основанный, прежде всего, на анализе религиозного поведения индивидуума, которое гораздо легче поддается фиксации и анализу со стороны исследователя [18]. Впоследствии методика В. Ф. Чесноковой в несколько модифицированном варианте успешно применялась Ю. Ю. Синелиной [16]. В других социологических исследованиях религиозности приоритет отдается религиозному сознанию человека. Так, английский социолог Г. Дэви разработала концепцию «замещающей (викарной) религии», для которой характерна «вера без принадлежности» (к религиозной общине) [22, p. 59]. Данный феномен характерен для многих стран мира. Так, например, 25% населения России верят в Бога, но не относят себя ни к одной религии [2]. С другой стороны, социологические опросы фиксируют, что в мире число религиозных людей заметно меньше по сравнению с приверженцами конкретных конфессий. Таким образом, можно констатировать, что в современную эпоху распространены два феномена: *вера без принадлежности к религии* и *принадлежность к религии без веры в Бога* (подробнее см. ниже).

В исследованиях большинства религиоведов религиозная принадлежность населения определяется на основе религиозного сознания индивидуума или его религиозного поведения, либо их комплекса. Комплексными исследованиями, являющимися ценными источниками по религиозной принадлежности населения, можно назвать авторские монографические исследования, посвященные религиозной структуре населения отдельных стран, их частей или отдельных религий: статистические материалы исследовательского проекта «*The Association of Religion Data Archives (ARDA)*» [21], труды сингапурского исследователя Х. Кеттани [24], отечественных специалистов – М. М. Агафошина [1], С. И. Брука [4], С. А. Горохова [6], Р. В. Дмитриева [7], И. А. Захарова [8], П. И. Пучкова [14], Г. А. Шпажникова [19] и др.

Особняком здесь стоят работы авторитетного исследователя религий Д. Барретта и его сотрудников по «*World Christian Encyclopedia*» [20]. В настоящее время отсутствуют альтернативные и скольконибудь сравнимые по масштабу проанализированных источников и территориальному охвату исследования данные. Д. Барретт, по мнению классика отечественной географии религии П. И. Пучкова, дает «наиболее аргументированные расчеты ... динамики численности последователей разных религий» (цит. по: [10, с. 305]). Действительно, «... цифры стали предметом дискуссий в кругу исследователей религий. Сам же Барретт по поводу критических замечаний в свой адрес отвечает: “Можно поспорить, но у нас действительно нет конкурентов, в этом и проблема”. С этим стоит согласиться» (цит. по: [11, с. 111]).

Материалы исследования

Наиболее достоверными источниками конфессиональной статистики, безусловно, можно считать *данные переписей населения стран мира*, содержащие сведения о религиозной принадлежности населения, а также о численности неверующих. Тем не менее необходимо сохранять критическое отношение к данным по конфессиональной статистике, полученным в результате национальных переписей населения. Во многих странах мира при проведении переписей населения умышленно может искажаться численность последователей различных вероисповеданий, наблюдаться преувеличение числа приверженцев господствующей религии за счет других. Данная ситуация возникает во многих странах Африки и Азии. Даже перепись населения Индии – одна из наиболее тщательно проводимых в развивающихся странах мира – не может быть признана полностью свободной от подтасовок.

Достаточно полную информацию данных о религиозной структуре населения дают официальные государственные

органы во многих странах Ближнего Востока (запись в графе «религия» на персональной идентификационной карте личности), в Южной и Юго-Восточной Азии. В Европе официальные статистические сведения об исповедании гражданами различных религий существует далеко не во всех государствах; среди исключений – Великобритания, Ирландия, Австрия, а также большинство стран Восточной Европы.

В России первая перепись населения, включавшая вопрос о конфессиональной принадлежности граждан, была проведена в 1897 г., в СССР и Российской Федерации такой статистики никогда не было¹ (есть лишь данные о числе зарегистрированных религиозных организаций в стране). На постсоветском пространстве лишь в Казахстане в 2009 г. была проведена перепись, в ходе которой респондентам задавался вопрос об их отношении к религии. В США, например, полная официальная конфессиональная статистика существует только на конец XIX в. и на 1930-е годы. В Китае официальные данные о религиозной принадлежности населения страны публикуются в «Синей книге религий» (*Blue Book of Religions*), издаваемой Китайской академией общественных наук, в которой, однако, учитываются только постоянные прихожане старше 18 лет пяти официально зарегистрированных религиозных объединений страны, составляющие незначительную часть верующих Китая.

К сожалению, вопрос о вероисповедании включался в переписные листы далеко не во всех странах (и не всегда регулярно), а если это и происходило, то в рамках далеко не каждой переписи (например, в переписи населения Нигерии, крупнейшей по численности населения страны Африки, вопрос о конфессиональной принадлежности включался лишь дважды). В связи с вышеизложенным, к сожа-

¹ За исключением переписи населения 1937 г., дошедшие до нас данные которой весьма фрагментарны.

лению, стоит констатировать отсутствие полных сведений о распространении различных религий во всех странах мира.

Большое значение для установления религиозной принадлежности населения имеют *данные социологических опросов*. Крупнейшие из них по территориальному охвату проводятся независимым исследовательским центром «Пью (*Pew Research Center*)»; выполненные на их основе отчеты представляют в распоряжение исследователей большой статистический материал для анализа влияния демографических процессов на изменение конфессиональной структуры населения стран и регионов мира.

В России вопросы о религиозной принадлежности населения задаются в рамках опросов, регулярно проводимых четырьмя социологическими службами: ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и РОМИР. В США подробными социологическими исследованиями уровня религиозности и конфессиональной принадлежности занимается социологическая служба «*American religious identification surveys – ARIS*», регулярно публикующая срезы конфессиональной структуры населения регионов и отдельных штатов страны, позволяющие судить не только о конфессиональной структуре населения США, но и об особенностях религиозности современных американцев.

В связи с ограниченными масштабами социологических исследований их данные уступают в своей репрезентативности данным переписей населения. Также перед социологами встает сложная задача по корректной формулировке задаваемых респондентам вопросов относительно их религиозной принадлежности, от чего зачастую зависят конкретные цифры по религиозности населения страны. Помимо этого, при проведении социологических опросов о религиозности населения необходимо делать поправку на политическую ситуацию в стране, которая может повлиять на ответы респондентов об их религиозной принад-

лежности (подробнее см.: [13]). В то же время именно социологические опросы дают уникальный материал для исследования уровня религиозности населения в конкретной стране, особенностей функционирования в ней религиозных организаций, влияния религии на демографические установки населения, экономическую и политическую жизнь.

Что касается *данных конфессиональной статистики, предоставляемых самими религиозными организациями*, то, во-первых, они не полны, так как не все религиозные организации ведут учет своих адептов; во-вторых, не всегда сопоставимы, поскольку различные религиозные организации при учете своих членов берут за основу различные критерии; в-третьих, могут носить тенденциозный характер. Так, католическая церковь признает своими последователями всех родившихся в католических семьях и крещеных детей, а большинство протестантских церквей – только тех, кто достиг конфирмационного возраста и сознательно принял крещение; иудаистами считают всех евреев, не заявивших о своей принадлежности к иной религии. Тем не менее данные религиозных организаций можно продуктивно использовать в том случае, если работа по географии религии посвящена именно анализу их деятельности (см.: [3]).

Результаты исследования

Анализ религиозной принадлежности населения в значительной мере базируется на эмпирических данных о числе верующих, их удельном весе в общей численности населения конкретной страны или региона, возрастном, половом составе и других демографических характеристиках религиозной общины. При этом оценка численности адептов той или иной религии, которая, в большинстве случаев, не опирается на какие-либо документальные подтверждения, в гораздо меньшей степени однозначна. Проблема выбора метода учета верующих связана,

прежде всего, с применением в нашем исследовании различных критериев принадлежности к конкретной конфессии.

Этнический критерий оценки религиозной принадлежности

Из всех существующих критериев, этот – наиболее прост в применении, однако сложен в интерпретации. Его можно применять в случае, если подавляющее большинство какого-либо этноса исторически исповедует одну религию. Он оправдан при отсутствии иных источников о религиозной принадлежности представителей данного этноса, получаемых, например, при анализе данных переписей населения. В этом случае, например, все греки рассматриваются как православные, арабы – как мусульмане, кхмеры – как буддисты и т. д. Однако полученные таким образом статистические данные нельзя считать полностью объективными, поскольку они не учитывают существующих различий между этнической и религиозной самоидентификацией индивидуума, к тому же часть этноса может вообще относиться к нерелигиозному населению. Еще более затруднительно применение этнического принципа при определении религиозной принадлежности представителей народов, которые исповедуют несколько конфессий – например, немцев, которые исторически исповедуют католицизм и протестантизм. В случае с немцами необходимо учитывать дополнительно их принадлежность к разным субэтническим группам: если немец – саксонец, то – протестант, если баварец – католик, и т. п.

Другой пример использования этнического принципа для выявления религиозной принадлежности – современные исследования влияния миграционных процессов на конфессиональную структуру принимающих мигрантов стран: в них она определяется, исходя из религиозной принадлежности населения стран, «поставляющих» этих мигрантов. Такие исследования стали особенно актуальны

в связи с Европейским миграционным кризисом, начавшимся в 2015 г., и ростом мусульманского населения региона [23].

Несмотря на высказанные возражения о возможности отождествления конфессиональной и этнической общностей, этнический принцип, как представляется, может быть использован в географических исследованиях в качестве вспомогательного, когда другая информация о числе исповедующих конкретную религию людей отсутствует. Например, в России статистические данные о численности народов, в ней проживающих, как правило, обновляются в среднем один раз в десять лет в рамках переписей населения; в то же время данные по конфессиональной принадлежности респондентов в материалах переписей отсутствуют. В этой связи, по нашему мнению, представляется вполне обоснованной экстраполяция данных об этнической структуре населения РФ при определении численности адептов традиционных религий России. С опорой на данный критерий чаще всего осуществляется оценка численности адептов той или иной религии ее официальными представителями (клир, члены духовных управлений и пр.).

Так, согласно данным переписи населения 2010 г., доля народов, исторически исповедующих православие, в общей численности населения РФ, указавшего свою этническую принадлежность, составляет 84,0%; ислам – 10,3% [5, с. 275].

Культурно-цивилизационный критерий оценки религиозной принадлежности

Гораздо более продуктивен, поскольку базируется на самоидентификации индивидуума, то есть, в конечном итоге, на его религиозной идентичности [15]. Этот принцип исходит из того, что каждый человек вправе считать себя принадлежащим к определенной культурно-религиозной традиции, хотя при этом, возможно, и не разделять полностью ее вероучение. При этом он может не участвовать в обрядах и не входить в религиозную общи-

ну – в этом случае религиозность имеет латентный характер, она сохраняется в социальной памяти населения, определяя его конфессиональную идентичность. Факт принадлежности к определенному религиозному течению важен для мировоззрения человека, его нравственной, культурной и политической ориентации. Именно эта так называемая культурная религиозность («принадлежность без веры») позволяет отнести человека к определенной цивилизационной системе или «культурно-историческому типу» (по Н. Я. Данилевскому), «культурной суперсистеме» (по П. А. Сорокину), «высокой культуре» (по О. Шпенглеру).

При этом религия является одной из базисных характеристик цивилизации (в настоящее время религиозные ценности могут дополняться и секулярными, как это происходит в западной цивилизации), ведь, по известному выражению К. Даусона: «Великие религии – это основания, на которых покоятся великие цивилизации» (цит. по: [17, с. 60]). Современные исследования однозначно говорят об устойчивости цивилизаций как основных социокультурных единиц человеческого общества. Несмотря на то, что на смену аграрному обществу пришли модерн и постмодерн, системы ценностей, на базе которых выстроены цивилизации, подверглись лишь относительно незначительным изменениям. Видный американский социолог Р. Инглхарт, опираясь на обширный материал социологических исследований по всему миру, констатирует: «Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные “культурные зоны” с собственными ценностными системами – их наличие четко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития. Эти культурные зоны отличаются немалой устойчивостью. Хотя под воздействием мощных сил модернизации ценностные системы разных стран развиваются в

одном и том же направлении, вопреки упрощенческим постулатам о глобализации культуры, их конвергенции не происходит» (цит. по: [9, с. 37–38]).

Для определения численности верующих при использовании культурно-цивилизационного критерия основными источниками служат данные переписей населения; в случае их отсутствия производится экстраполяция результатов социологических опросов на все население. Учет данных соцопросов необходим еще и потому, что именно они позволяют оценить уровень религиозности населения, отделив «верующих без принадлежности» от активно практикующих религию индивидуумов.

В 2011 г. в РФ начала работу независимая исследовательская служба «СРЕДА», получившая широкую известность благодаря своему проекту «АРЕНА: Атлас религий и национальностей Российской Федерации», в ходе которого были опрошены 56,9 тыс. респондентов из 79 субъектов России, ответивших на вопросы о своей религиозной принадлежности [2]. Фактически используя культурно-цивилизационный принцип, были получены следующие данные: доля православных в населении России составляет 42,6%, а мусульман – 6,6% [2]. Таким образом, доля православных, выявляемых в стране социологами, почти в два раза ниже доли народов, традиционно исповедующих православие, а мусульман – примерно на треть.

Оценка религиозной принадлежности через уровень религиозности населения

Исследованиями уровня религиозности населения занимается крупнейшая в мире и самая известная ассоциация независимых исследовательских агентств, объединяющая 72 компании и проводящая независимые опросы почти в 100 странах мира – «Gallup International/WIN», регулярно публикующая соответствующие отчеты¹. Так, в ходе ис-

¹ Их (помимо прочего) использование обусловлено глобальным характером проводимых опросов, что

следования 2012 г. 50 тыс. респондентам из 59 стран мира был задан следующий вопрос: «Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя религиозным человеком, нерелигиозным человеком или убежденным атеистом?»¹.

Некоторые исследователи полагают, что в качестве дополнительных возможно использовать косвенные показатели уровня религиозности населения – к ним можно отнести уровень доходов и образования, а также демографическое поведение. Некоторые работы² показывают высокий уровень корреляции данных показателей с религиозностью: чем выше религиозность населения, тем ниже уровень его доходов и образования и выше уровень рождаемости. На наш взгляд, использование данных показателей для оценки уровня религиозности возможно, но, в целом, малопродуктивно, поскольку отсутствуют доказательства связи (а в случае ее наличия – корреляции достаточно высокой силы) между этими показателями и религиозностью населения для каждого из этапов экономического, социального, демографического развития той или иной общности людей. В то же время подход к установлению численности религиозных общин через уровень религиозной идентичности фактически лишен этого недостатка.

Согласно результатам вышеупомянутого исследования «*Gallup International/WIN*», в первую десятку стран мира с наиболее религиозным населением (от 96% до 85%) вошли Гана, Нигерия, Армения, Фиджи, Северная Македония, Румыния, Ирак, Кения, Перу и Бразилия. К странам с высоким уровнем религиозности (от 84% до 79%) относятся Грузия, Пакистан, Афганистан, Молдова, Колумбия, Камерун, Малайзия, Индия, Польша, Южный

позволяет анализировать особенности религиозности населения в большинстве стран мира.

¹ См.: WIN-Gallup International Global Index of Religiosity and Atheism – 2012 (www.Gallup-international.com)

² Подробнее см.: WIN-Gallup International Global Index ...

Судан и Узбекистан. Средний уровень религиозности (77%–50%) характерен для большинства арабских стран (например, Тунис и Саудовская Аравия – по 75%), для многих стран Восточной Европы (Сербия – 77%, Украина – 71%, Болгария – 59%), США – 60%, некоторых стран Западной Европы (Италия – 73%, Бельгия – 59%, Финляндия – 53%, Испания – 52%, Германия – 50%) и Латинской Америки (Аргентина – 72%, Эквадор – 70%).

Самый низкий уровень религиозности населения зафиксирован в странах Восточной Азии и Западной Европы. Так, в Китае религиозно лишь 14% населения, Японии – 16%, Чехии – 20%, Швеции – 29%, Вьетнаме – 30%, Австралии – 37%, Франции – 37%, Австрии – 42%, Нидерландах – 43%. Для стран этих же регионов характерна самая большая доля атеистов: Китай – 47%, Япония – 31%, Чехия – 30%, Франция – 29%, Германия и Нидерланды – по 15% (в целом по Западной Европе – 14%), Республика Корея – 15%. В целом из 11 стран мира, имеющих долю атеистов в своем населении 10% и выше, только Австралия расположена не в Восточной Азии и Западной Европе. В то же время атеистов не оказалось вовсе в Афганистане, Малайзии, Гане, Ираке, Тунисе, Азербайджане и Вьетнаме (и это несмотря на то, что 65% населения этой страны нерелигиозны).

В целом по миру 59% населения являются религиозными людьми, нерелигиозными – 23%, к атеистам себя причисляют 13% населения мира. Наиболее религиозными оказались индуисты (82%), христиане (81%) и мусульмане (74%), наименее – иудаисты (38%). Таким образом, *в мире культурная религиозная идентификация в целом шире конфессиональной*. В результате 12% индуистов мира, 16% христиан, 20% мусульман и 54% иудаистов (!) не религиозны, то есть относят себя лишь к соответствующей культурной, а не религиозной общности. В России уровень религиозности населения также близок к среднестатистическому по миру – 55%,

нерелигиозными считают себя 26% россиян, 6% населения страны – атеисты.

К сожалению, данные «Gallup International/WIN» не позволяют выделять в странах уровень религиозности представителей различных конфессий, поэтому принимается в качестве основного допущение о равной религиозности всех конфессиональных групп. Исходя из данного положения, можно допустить, что доля православных в России составляет 42%, а мусульман – около 5%, что близко к значениям, полученным российскими социологами. Однако возможно, что доля православного и мусульманского населения в России еще ниже. Так, по данным отечественных исследователей, среди православных России лишь 17% молятся каждый день, 8% прочитали Евангелие, 5% участвуют в приходской жизни и 4% исповедуются раз в месяц и чаще. В мусульманской общине вообще складывается парадоксальная ситуация, связанная с тем, что подавляющая часть российских мусульман (более 71%) не относит себя ни к суннитскому, ни к шиитскому направлениям ислама, выделяя исключительно свою общемусульманскую идентификацию, которая носит скорее культурный, нежели конфессиональный характер [2]. Таким образом, социологические исследования показывают, что в современном обществе происходит уменьшение участия в религиозной жизни, при этом сохраняется присутствие религии в социальной памяти населения, то есть «вера без принадлежности» (к религиозной общине). В России, судя по приводимым выше социологическим данным, «верят без принадлежности» от трети до половины жителей страны.

Еще один глобальный проект, позволяющий оценить уровень религиозности населения стран мира, данные которого использовались в нашем исследовании, – «Всемирный обзор ценностей (World Values Survey)»¹, которым руководит Р. Ингл-

¹ Values Change the World: World Values Survey (www.worldvaluessurvey.org)

харт. Первый раунд опроса состоялся в 1981 г., и в нем участвовали, в основном, развитые страны Запада. В рамках второго, третьего, четвертого и пятого раундов (1991, 1995, 2001 и 2008 гг.) состав стран-участниц расширился более чем в три раза (с 20 до 67), увеличилось количество респондентов, что сделало данные опроса *World Values Survey* более репрезентативными.

В процессе анализа ценностей респондентов были выделены два измерения: «Традиционные – секулярно-рациональные ценности» и «Ценности выживания – ценности самовыражения». Измерение «традиционные – секулярно-рациональные ценности» показывает разницу между странами, в которых религия имеет большое значение, и тех, где ее роль невелика. Сама религиозность населения стран мира исследовалась Р. Инглхартом и его коллегами в двух направлениях: во-первых, с точки зрения важности веры для респондентов и степени их участия в религиозных обрядах; во-вторых, анализировалось отношение респондентов к взаимосвязи религии и политики – т. е. насколько они одобряют деятельность религиозных лидеров, которые пытаются воздействовать на принятие политических решений и исход выборов.

В результате исследователи пришли к выводу, что к «культурным зонам» с наибольшим влиянием традиционных ценностей и самым высоким уровнем религиозности населения могут быть отнесены страны Африки, Южной Азии (вместе с Юго-Восточной) и Латинской Америки; средний уровень – католическая Европа, англоязычный мир (США, Австралия, Ирландия и др.); низкий – конфуцианская Восточная Азия (Китай, Япония, Республики Корея и Тайвань), протестантская Европа, часть бывших коммунистических стран (Эстония, Болгария, Россия, Украина и др.).

Важно, что данные о религиозности населения «Gallup International/WIN», несмотря на различие в методиках, хорошо

соотносятся с теми, которые получили Р. Инглхарт и его коллеги, что говорит о достаточно высоком уровне объективности полученных результатов.

Выводы

1) Религиозная идентификация имеет две стороны – религиозное сознание, то есть собственно религиозность в узком понимании данного термина; и религиозная принадлежность, то есть самоидентификация индивида с конкретной религией.

2) Обе стороны религиозной идентификации могут качественно и количественно не совпадать в связи с тем, что численность верующих может отличаться от общего числа приверженцев тех или иных конфессий.

3) Для определения численности верующих используются два основных критерия: этнический и культурно-цивилизационный, из которых последний представляется более продуктивным. В качестве третьего, резервного критерия (при отсутствии данных, опирающихся

на первые два) оценки религиозной принадлежности может использоваться уровень религиозности населения и его производные.

4) Использование разных критериев может приводить к разночтениям в данных конфессиональной статистики и, как следствие, к возникновению конфликтных ситуаций. Так, доля христиан и мусульман в населении РФ в соответствии с этническим критерием составляет 84,0% и 10,3% соответственно; в соответствии с культурно-цивилизационным – 42,6% и 6,6%.

5) При анализе сведений о конфессиональной структуре населения разных стран в рамках географических исследований, по нашему мнению, преимущество необходимо отдавать официальным статистическим данным, дополняя их при необходимости результатами социологических опросов и сведениями, предоставляемыми религиозными организациями.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по материалам исследований по теме ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008 и при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00054). Методика исследования разработана в рамках темы ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008, классификация стран и регионов мира по уровню религиозности населения выполнена в рамках темы гранта РФФИ (проект №19-18-00054).

ACKNOWLEDGMENTS

The work was performed within the State Assignment of the Institute of Geography, RAS (No. 0148-2019-0008) and was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00054). The research methodology was developed as part of the topic of the State Assignment of the Institute of Geography, RAS (No. 0148-2019-0008), and classification of the world's countries and regions by the level of population religiosity was carried out in the framework of the grant by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00054).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафшин М. М., Горохов С. А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе. 2017. № 1. С. 24–29.
2. Арена: Атлас религий и национальностей Российской Федерации (2012) [Электронный ресурс] // Исследовательская служба «Среда». – URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 18.03.2020).
3. Балабейкина О. А. Санкт-Петербургская епархия: историческая география православия: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 2005. 20 с.

4. Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 832 с.
5. Горохов С. А. Конфессиональное геопространство России в постсекулярную эпоху: между традицией и современностью // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2014. С. 266–288.
6. Горохов С. А. Циклическое движение религий: от единства к ... единству // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 8. С. 811–819.
7. Дмитриев Р. В. Исламский экстремизм в районе бассейна озера Чад // Международные процессы. Т. 15. № 1 (48). 2017. С. 92–107.
8. Захаров И. А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI веков: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2019. 168 с.
9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 2011. 464 с.
10. Казьмина О. Е., Пучков П. И. Религиозные организации современного мира: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2010. 368 с.
11. Каргина И. Г. Метаморфозы христианства на фоне постмодернистского пейзажа // Политические исследования. 2012. № 5. С. 106–121.
12. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126.
13. Митрохин Н. А. Церковь, этнонационализм и государство // Pro et Contra. 2013. № 5 (60). С. 6–16.
14. Пучков П. И. Современная география религий. М.: Наука, 1975. 182 с.
15. Религиоведение: словарь / Под ред. Е. С. Элбакян. М.: Академический Проект. 2007. 637 с.
16. Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89–97.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2003. 608 с.
18. Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект. 2005. 304 с.
19. Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии: справочник. М.: Наука. 1976. 328 с.
20. Barrett D. B., Kurian T. K., Johnson T. M. World Christian encyclopedia: a comparative survey of churches and religions in the modern world. Vol. 1 / 2nd ed. New York: Oxford University Press. 2001. 888 p.
21. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY [Электронный ресурс] // The ARDA (Association of Religion Data Archives). – URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 18.03.2020).
22. Davie G. Religion in Modern Europe. A Memory Mutates. New York: Oxford University Press. 2000. 230 p.
23. Europe's Growing Muslim Population. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2017. 59 p.
24. Kettani H. The World Muslim Population, History & Prospect. Singapore: Research Publishing Services, 2014. 584 p.
25. Stark R., Bainbridge W.S. The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley: University of California Press, 1985. 571 p.

REFERENCES

1. Agafoshin M., Gorokhov S. [Transformation of confessional space of the Western Asia]. In: *Geografiya v shkole* [Geography in school], 2017, no. 1, pp. 24–29.
2. *Arena: Atlas Religii i Natsional'nostei Rossiiskoi Federatsii* [Arena: Atlas of religions and nationalities in Russia], 2012. In: *Issledovatel'skaya sluzhba 'Sreda'* [Research Service 'Sreda']. – URL: <http://sreda.org/arena> (accessed: 18.03.2020).
3. Balabeikina O. A. *Sankt-Peterburgskaya eparkhiya: istoricheskaya geografiya pravoslaviya: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk* [Diocese of St. Petersburg: Historical geography of Orthodoxy: Cnad. Sci. Thesis in Geographical Sciences], St-Petersburg, 2005, 20 p.

4. Bruk S. *Naselenie mira: Etnodemograficheskii spravochnik* [World Population: Ethnodemographic Handbook], Moscow, Nauka Publ., 1986, 832 p.
5. Gorokhov S. Religious landscape of Russia in the post-secular era: between tradition and modernity. In: Druzhinin A., Streletskii V., eds. *Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty* [The phenomenon of culture in Russian human geography: expert opinions, analytics, concepts], Rostov-na-Donu, Yuzhnyi federal'nyi universitet Publ., 2014, pp. 266–288.
6. Gorokhov S. [Cyclical movement of religions: from unity to... unity] In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 89, no. 8, pp. 811–819. DOI: 10.31857/S0869-5873898811-819.
7. Dmitriev R. [Islamic extremism in the Lake Chad basin region] In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2017, vol. 15, no. 1 (48), pp. 92–107. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.8.
8. Zakharov I. *Transformatsiya konfessional'nogo prostranstva Afriki v XX – nachale XXI vekov: dis. ... kand. geogr. nauk* [The transformation of the confessional space of Africa in the XX – early XXI centuries: Cand. Sci. Thesis in Geographical Sciences], Moscow, 2019, 168 p.
9. Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2011, 464 p.
10. Kaz'mina O., Puchkov P. *Religioznye organizatsii sovremennogo mira: Uchebnoe posobie* [Religious Organizations of the Modern World: Textbook], Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 2010, 368 p.
11. Kargina I. [Metamorphoses of Christianity against a backdrop of a postmodern landscape]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2012, no 5, pp. 106–121.
12. Lebedev S., Sukhorukov V. [A close path to the wrong place?]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2013, no. 1, pp. 118–126.
13. Mitrokhin N. [Church, Ethnic Nationalism and the State]. In: *Pro et Contra*, 2013, no. 5 (60), pp. 6–16.
14. Puchkov P. *Sovremennaya geografiya religii* [Modern geography of religions.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 182 p.
15. Elbakyan E., ed. *Religiovedenie: slovar'* [Religious Studies: Dictionary]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007, 637 p.
16. Sinelina Yu. [The dynamics of the process of the churching of the Orthodox]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2006, no. 11, pp. 89–97.
17. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Touchstone, 1996, 368 p.
18. Chesnokova V. *Tesnym putem. Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [Close way. The process of churching the population of Russia at the end of the 20th century], Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005, 304 p.
19. Shpazhnikov G. *Religii stran Zapadnoi Azii. Spravochnik* [Religions of the countries of West Asia. Desk book], Moscow, Nauka Publ., 1976, 328 p.
20. Barrett D. B., Kurian T. K., Johnson T. M. *World Christian encyclopedia: a comparative survey of churches and religions in the modern world*, 2nd ed., vol. 1, New York, Oxford University Press. 2001. 888 p.
21. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY. In: The ARDA (Association of Religion Data Archives). Available at: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (accessed: 18.02.2020).
22. Davie G. *Religion in Modern Europe. A Memory Mutates*. New York, Oxford University Press, 2000, 230 p.
23. *Europe's Growing Muslim Population*. Washington, D.C., Pew Research Center, 2017, 59 p.
24. Kettani H. *The World Muslim Population, History & Prospect*. Singapore, Research Publishing Services, 2014, 584 p.
25. Stark R., Bainbridge W.S. *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*. Berkeley, University of California Press, 1985, 571 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина; профессор кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В. П. Максаковского географического факультета Московского педагогического государственного университета;
e-mail: stgorohov@yandex.ru

Агафошин Максим Михайлович – ассистент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В. П. Максаковского географического факультета Московского педагогического государственного университета;
e-mail: agafoshinmm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanislav A. Gorokhov – Doctor of Geographical Sciences, leading researcher at the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, and at the Pushkin Leningrad State University; professor at the Maksakovskiy Department of Economic and Social Geography, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: stgorohov@yandex.ru

Maksim M. Agafoshin – assistant lecturer at the Maksakovskiy Department of Economic and Social Geography, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: agafoshinmm@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горохов С. А., Агафошин М. М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64.
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64

FOR CITATION

Gorokhov S., Agafoshin M. Approaches to assessment the religious affiliation of the population in geographical studies. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Geographical environment and living systems*, 2020, no. 2, pp. 52–64.
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64